

Н. М. Азарова

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДУШИ:
ТРАНСЛЯЦИЯ СИСТЕМЫ МИСТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ
В ЯЗЫКЕ ВЕНИАМИНА БЛАЖЕННОГО**

50

Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия

Поступила в редакцию 02.12.2022 г.

Принята к публикации 27.01.2023 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-5

Для цитирования: *Азарова Н. М.* Приключения души: трансляция системы мистической поэзии в языке Вениамина Блаженного // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. №1. С. 50–60. doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-5.

Вениамин Блаженный — поэт XX столетия, «открытый» критикой и литературоведением лишь тридцать лет назад. Художественная природа творчества Блаженного за это время не получила фундаментального описания. Общим местом многих работ о поэте стала констатация своеобразных религиозных основ его творчества, синтезирующих иудейское и христианское начала. В настоящей работе поэзия Вениамина Блаженного рассматривается в контексте языка мистиков как культурной системы — в качестве яркого примера трансляции типологических свойств языка мистики в поэзии конца XX в., что реализуется в грамматической составляющей, в частности в системе местоименной и отрицательной поэтики, в способе построения субъекта и в стратегии антидискурсивности. Ключевое слово и концепт поэзии Блаженного душа обнаруживает несомненное сходство с концептуализацией души и идеей метемпсихоза в еврейской и еврейско-христианской мистике.

Ключевые слова: Вениамин Блаженный, современная поэзия, язык мистики, еврейская мистика, душа, метемпсихоз

Язык мистиков — это культурная система, поэтому язык мистиков разных эпох, видоизменяясь и приспособляясь к уже существующим культурным системам, тем не менее обнаруживает явное типологическое единство. И если мы посмотрим на поэзию Вениамина Блаженного, не приписывая ее к определенной парадигме, то увидим очень много черт данного языка. Под культурной системой мы понимаем способную к самоорганизации систему, в которой по определенным правилам циркулирует информация, прежде всего языковая [14] (в данной статье мы не раз будем обращаться к этому труду). Основное свойство культур-

ной системы — динамичность, способность к перестройке и взаимодействию, что и позволяет говорить о процессах аккомодации. Под аккомодацией мы подразумеваем приспособление различных систем друг к другу, в процессе которого системы изменяются.

Когда мы говорим о типологических характеристиках языка мистики, в первую очередь надо понять, что у него нет строгого набора механизмов, приемов, алгоритмов. Все они могут меняться. Общность лежит прежде всего в когниции и в развитии мысли, поэтому в поэзию можно читать любые мистические традиции, что сказывается и в поэтике.

Вениамин Блаженный не является здесь исключением. Мистик избегает лишних акцентов: он старается не различать главное и второстепенное, для него все является главным, отсюда бесконечные повторы и нагромождение однородного. Повторы связаны с подозрительностью к дискурсивности и с основным парадоксом всех мистиков: оппозицией молчания и говорения. Мистик понимает, что невозможно адекватно передать то, что он видит и чувствует, и тем не менее он продолжает об этом говорить. Он декларирует молчание, хвалит молчание, но говорит гораздо больше, чем обычный поэт. Мистикам свойственна особая говорливость, которая оказывается обратной стороной молчания. Мистик говорит много и беспорядочно.

Поэтому для мистиков характерно наличие огромных архивов с множеством самых разных документов, стихов, набросков, которые подолгу могут оставаться неразобранными после смерти авторов. В качестве классических примеров можно назвать Велимира Хлебникова с его архивом наволочек, и Фернандо Пессоа, знаменитейшего европейского мистика XX в., оставившего около шести тысяч фрагментов, публикация которых длится в течение последних пятидесяти лет [6; 20]. Вениамин Блаженный в какой-то мере следует тому же пути. Про таких поэтов, как Хлебников, Пессоа или Блаженный, мы никогда не можем сказать с уверенностью, что работы над их архивами закончены, и объявить их собрание сочинений полным.

Мистики, как правило, предпочитают вернакуляр титульному языку, и здесь Блаженный оказывается в хорошей позиции, потому что живет на периферии и может спокойно мешать научный и профанный (разговорный, местечковый) дискурс так, как ему удобно, не делая из этого какой-то собственный стиль.

Еще одна характерная черта, общая для многих мистиков (буквально начиная со Средних веков, с эпохи Хуана де ла Круса или св. Терезы), включая и Вениамина Блаженного, — это любовь к каллиграфии и переписыванию.

Особенность поэта-мистика состоит в том, что его авангардность не может быть стратегией, она является вынужденной: Блаженный должен сказать что-то, чего он сам не знает, поэтому его слово — некая система, которая постоянно уходит от нормы, но тем не менее не теряет норму из вида. Блаженный как поэт-мистик не озабочен неповторимостью и абсолютной оригинальностью собственного текста, он легко повторяет сам и признает, что и его могут повторить: он избавляется от уверенности в умении говорить.

В языке Блаженного прослеживаются и такие системные характеристики мистической поэзии, как предпочтение местоименной и отрицательной поэтики. Для всех мистиков характерно обилие местоимений вплоть до создания чисто местоименных текстов, например у Д. Хармса и Я. Друскина. В то время как многие поэты второй половины XX в. отказываются от *я*, практикуя так называемую смерть автора, *я*-говорение типично для мистиков, и *я* должно быть чуть ли не в каждом тексте. Этот типологический признак языка мистики, безусловно, присутствует в поэзии Вениамина Блаженного.

Я присутствует почти в каждом его стихотворении и иногда по многу раз, подкрепленное всей его парадигмой: *моя, меня, мне, мой*, избылиуют и глаголы в первом лице. Также важная характеристика мистицизма — тотальность мышления, что воплощается у Блаженного в частотности местоимений *весь, все* и т. д.

Блаженный, как и другие мистики, разворачивает очень широкий спектр приемов, связанных с отрицанием, формирующих своеобразную систему отрицательной поэтики: это и емкие отрицательные понятия, и отрицательные ряды и градации, например:

Сердце, что встарь освещало дорогу
Едва ли не миру, едва ли не небу — не Богу.

Оксюмороны, парадоксы и семантическая рассогласованность в мистических текстах не кажутся таковыми, если исследователь выступает в качестве наивного читателя. Адресат мистической поэзии соглашается с поэтической декларацией наивности в ситуации прямого общения с живым Богом, описанной Вениамином

Блаженным:
Я изъяснялся диким слогом,
Но лишь на этом языке
Я говорил однажды с Богом.

А.-М. Хаас подчеркивает, что для произведений мистиков характерны «сравнительно беспомощные формы языка, которые на поверку оказываются демонстрацией могущества языка» [15].

Почти все поэты-мистики, и Вениамин Блаженный, безусловно, вписывается в этот ряд, — это фигуры переходной эпохи, в том числе религиозного перехода и языкового билингвизма. Часто языковой билингвизм и религиозный переход соседствуют, и этот момент движения из культуры в культуру, из религии в религию напрямую связан с проявлением типологических черт языка мистики.

Время Блаженного в какой-то мере аналогично испанскому XV в., когда многие евреи крестились вынужденно. Их называли или конверсами, или марранами, или новыми христианами в отличие от старых христиан. Еще в XVII в. считалось, что определенные посты могут занимать только старые христиане, а новые христиане не могут, например, быть епископами. Почти все известные нам христианские поэты-мистики — Луис де Леон, Хуан де ла Крус, св. Тереза и другие — происходили

из конверсов, или новых христиан [16–18]. Но и 1960–1990-е гг. в России — переходная эпоха, когда многие поэты, обращаясь к христианству, по факту переходили в некий собственный вариант экуменизма, пантеизма или синкретической религии.

Вениамин Блаженный тоже в какой-то мере новый христианин, переживающий момент перехода, и не важно, что он делает это по собственной воле, а не по принуждению. Важен именно момент перехода, потому что он, как и те евреи, которые сделали это сознательно и стали истинными христианами, искал собственный путь в христианстве. Язык христианства, понимаемый в широком смысле, для новых христиан, выросших в еврейской традиции, был новым языком. И неизбежно этот путь вел к мистическому алгоритму, к общению с Богом напрямую.

Что такое мистик? Это тот, кто общается с Богом напрямую без посредников, что делает и Вениамин Блаженный. Живя в переходной эпохе 1960–1990-х гг., поэт, обладающий мистическим чувством и выросший в местечковой мистической традиции, в момент перехода ищет путь освоения более широкой культуры и преодоления *стыдного незнания*: незнания обычаев, правил, текстов¹. Стыдное незнание оказывается для него неким продуктивным вариантом формирования собственной религии, которая может вбирать любые другие религии и духовные пути. Многих поэтов-мистиков обвиняли в экуменизме или пантеизме, даже св. Терезу [16].

Под христианством и под Христом поэт может иметь в виду некий собственный экуменический вариант монотеистической религии. Этот синтез может смягчаться иронией или любыми парадоксальными сочетаниями всего со всем или любого с любым. Вениамин Блаженный говорит:

Что напялить на дурную голову —
Папскую тиару или узбекскую тюбетейку? —

и говорит это не как шутку, а понимая, что его путь должен быть особенным.

Но есть и другая сторона у этой черты языка мистики: именно благодаря репродуктивной способности аккомодации мистической системы к разным эпохам мы можем вчитать в поэтические тексты любые мистические традиции, и это в какой-то степени правомерно [7, с. 19–20], в то время как культура практикует приписывание какой-то однозначной принадлежности поэтов к определенной парадигме. Например, строки Вениамина Блаженного:

Лаптем свое я вычерпал хлебово,
Где перемешано чертово с Боговым —

прочитываются культурой как однозначно стоящие между русской православной и местечковой хасидской мифологическими традициями: «Одной стороной своего творчества Блаженный связан с еврейской (ха-

¹ О биографии Блаженного см. [1; 10; 12]; также материалы к биографии поэта можно найти в юбилейных сборниках [4; 5]. Один из первых религиоведческих анализов творчества поэта см. в [11].

сидской) традицией, однако другая сторона этого творчества, несомненно, растет из русских культурных корней» [3, с. 173], хотя, безусловно, здесь можно найти параллели с любыми мистиками и многими другими культурными системами.

Мистика начинается с теодицеи, с претензии к Богу. Блаженный, как и многие мистики предыдущих эпох, выражает активное несогласие с поощрением Богом мирового зла: «Если Бог всемогущ, то почему он не всеблаг?» — и наоборот. В какой-то мере это созвучно позиции гностиков, у которых библейский Бог ценился низко, так как был жестоким и невежественным, а благой Бог не был возведен никем до Христа. Отсюда:

54

Не такой это суп — не такой это рай
— и Господь не такой!..

Или:

Хочу я спрятаться во мгле
И от безжалостного Бога,
И от живущих на земле.

И еще:

Я из породы тех, кто сеял в землю... небо.

Бог безжалостен, он не такой, и поэтому я *должен сеять в землю небо*. Выстраивается ряд *новый, иной, другой*, относящийся как к *иному* (другому) благому Богу, так и к *новому* (иному) Христу и к мессианской позиции поэта. То же самое примерно нам говорит Есенин:

Я иное узрел пришествие —
Где не пляшет над правдой смерть.
Как овцу от поганой шерсти, я
Остригу голубую твердь.

И таких параллелей сквозь века огромное множество¹.

Душа — это основное слово, основное понятие и основное устремление в языке еврейской мистики всех эпох, и в каббале, и в хасидизме. Поэт конца XX в. стоит перед дилеммой: с одной стороны, душа — явный поэтизм, которым как будто неприлично злоупотреблять современному профессиональному поэту. Хотя, может быть, в XXI в. ситуация меняется, но критики Блаженного не могли не соотносить по привычке лексему *душа* с традиционной поэтикой, отсылающей чуть ли не к XVII—XIX вв. А с другой стороны, душа — это никакой не поэтизм, это настоящий философский термин еврейской мистики, без которого не обойтись [19]. В этом смысле Вениамин Блаженный обладает преимуществом поэта-мистика, не позиционирующего себя как профессионального поэта, и может вообще не принимать во внимание то, что за душой тянется шлейф поэтизма. Поэтому основное содержание поэзии Вениамина Блаженного — это приключения души.

Душа у Блаженного живет в отношениях тотальности с миром и способна быть всем. Тотальность — «способность видеть взаимосвязь между

¹ Подробнее о Есенине см. [2].

разрозненными вещами, благодаря которой искусство... могло воспринимать их одновременно — как фрагменты единого мира» [6, с. 19–20]. Я (душа) Блаженного — *всё*, в том числе всё живое и всё неживое. У души присутствует стремление *быть всем*, обнаруживающееся в легкости преобразования себя не только в любое существо, но и в любую сущность или в любой предмет, и не важно, что в этом ряду появляются как будто неодушевленные вещи:

Так долго я брел по земле, что уж кажется странным,
Что я называюсь не глиною и не барханом...

Или:

И вот душа на травянистом ложе
Приемлет образ мошки и букашки,
Но не святою быть она не может.

Множественная субъективация у Блаженного, как у многих других мистиков, фундируется системной традицией метемпсихоза, то есть способностью души принимать многие образы:

Я пребуду букашкой. И если простит меня Бог,
Я пребуду травинкой. И если Господь мне положит
Жить по смерти — избуду по смерти недолгий свой срок.

Или:

Железною стужей заносит шаги мои ветер.
Последнюю душу живу-изживаю на свете.

Метемпсихоз (переселение душ) — важная часть приключений души в еврейской традиции, восходящая еще к Платону и неоплатонизму, проходит через всю еврейскую мистику, буквально начиная с постталмудической [12]. Учитывая это, молитва за животных, мимо которой не проходит ни один читатель или исследователь Блаженного, не кажется необычной. Это не только непосредственная любовь к животным, но животные — это те самые души, в которых существуют и люди, и наоборот, животные переселяются и существуют в людских душах.

В контексте метемпсихоза и/или наличия у человека животной души становится неоправданным выделение любви к животным у Вениамина Блаженного как отдельной темы, и мы предлагаем рассматривать ее в связи с концепцией множественной субъективации и приключений души. Приведем пример из одного из самых часто цитируемых стихотворений поэта:

Отец мой — Михл Айзенштадт — был всех глупей в местечке.
Он утверждал, что есть душа у волка и овечки.
Он утверждал, что есть душа у комара и мухи.

Здесь Блаженный говорит не только о вере отца, но и самом отце: это его отец, душа которого после смерти может совершенно спокойно переселиться в комара или муху, волка или овечку — и все это будет те же самые, связанные и взаимодополняющие живые вещи.

Приключения души в еврейской мистике подразумевают, что душа — это некий динамический фактор: она блуждающая, она шагающая, и это фактор некоей положительной жизни на земле. Это очень важно: наше земное существование как бы не пропускается, в отличие от христианства, и не противопоставляется будущей жизни. В земной жизни именно душа обеспечивает постоянную связь с Богом. И душа способна и должна развиваться, а человек ответственен за это развитие души.

Но и в рамках еврейской философии условно можно выделить две разные линии соотношения души и тела. Есть линии, которые противопоставляют душу и тело, есть линии, которые этого не делают. Душа даруется непосредственно Богом, и она одной природы с Богом, поэтому именно через душу происходит общение Бога с человеком и человека с Богом. Более того, через душу человек может влиять на Бога [18]. Это принципиальный момент, отличающий мистика как от христианской, так и от еврейской ортодоксии — способность что-то изменить в Боге через свою душу. В текстах Блаженного очень много этому примеров, и таким образом у Блаженного-мистика частично решается проблема теодицеи:

Он так проходил по земле, словно Бог ему душу
Засунул в карман, а карман у бродяги дырявый,
И он прижимал к себе душу...

Еще одна очень интересная тема — это женское письмо. Близость к женскому письму — одна из основных характеристик языка мистической поэзии (Раймонд Луллий, Хуан де ла Крус, св. Тереза, Луис де Леон и др.). Тема женского письма, эволюции женского начала, безусловно, связана с душой, и связь эта происходит от основного текста, который цитируют все мистики, в том числе Вениамин Блаженный, даже, может быть, не осознавая этого. Речь идет о системной трансляции восприятия «Песни песней» как мистического символического текста. Мистики разных эпох репродуцирует сквозь века ситуацию прямого общения человека и Бога и ситуацию сакрального соотношения мужского и женского начал, заложенные в «Песне песней».

Душа в русском языке, как и во многих европейских, женского рода:

С тех пор, как в круг Христа душа моя вступила,
Сердечный участился стук,
Как будто возношу бревно я на стропила
С душою плотничьей сам-друг...

Вениамин Блаженный здесь варьирует гендерную ситуацию. Первое отношение — *в круг Христа душа моя вступила* — душа (и сам поэт) выступает в женском роде, и, соответственно, Бог (Бог-Отец ли это, или Христос, в данном случае неважно) — мужского рода. Как и в «Песне песней», круг Бога — мужской, моя душа — женский. Однако в конце текста Блаженный переворачивает эту ситуацию *с душою плотничьей сам-друг*, то есть сам-друг — это уже получается я, мужское начало, а плотничья душа, женское начало — это, соответственно, Бог. Поэты-мистики, транслирующие ситуацию любви «Песни песней», могут выступать и с одной стороны, и с другой, что по-разному выражено у разных мисти-

ков. Есть те, кто очень смело это делает, например Хуан де ла Крус, который просто пишет от имени своей души, и получается, что он пишет (а *душа* в испанском, как и в русском, женского рода) о себе в женском роде. Блаженный этого не делает, более того, его душа (женское начало) связана так или иначе с мамой:

И опять я с душой не один —
Между нами умершая мама.

Его душа, безусловно, женская, но не просто так, а потому что она имеет отношение к матери:

А я ведь видел мать такой большою,
Такой большою, светлую, как облако,
Как если бы была она душою
И не имела будничного облика.

И все-таки трудно представить Вениамина Блаженного, который говорил бы о себе непосредственно в женском роде. Отождествляя себя с душой, он тем не менее разными способами пытается избежать отождествления с женским началом. Поэт с осторожностью использует по отношению к субъекту женские грамматические формы, стремясь нейтрализовать род и переходя на говорение о душе в третьем лице:

Как это просто: «Душу отдал Богу».
А что же Бог? Он скажет: «Хорошо»,
И душу поведет с собой в дорогу,
И побреду я с пенем за душой.

Или призывает на помощь слово *дух*, которое в русском языке удобного мужского рода:

И еще после смерти мне стало казаться порою,
Что я весь превратился в замирное зреньё и слух,
Что читает мой дух над какою-то синей горою
И пронизан лучами вселенной мой трепетный дух.

Заметим еще одну интересную вещь: неизвестно, был ли Вениамин Блаженный знаком с ивритом, но какое-то представление он не мог не иметь, так как его отец, как и все мужчины в местечке, кто был старше Блаженного на 15–20 лет, получал традиционное еврейское образование в объеме хотя бы нескольких классов. В Библии *дух* (*rûah*) тоже женского рода, но по-русски получается, что, когда Блаженный заменяет слово *душа* на *дух*, хотя бы даже в интересах рифмы, они выступают как синонимы, но сохраняющие гендерное различие. Когда он говорит о себе, то он сам именно *дух*. Интересно еще, что мать у него — *душа*, женского рода, а отец может быть и *душой* и *духом*, но чаще *дух*, хотя принципиально это одно и то же:

Теперь я могу посылать ему письма
Во все концы света, ибо дух его обитает неведомо где
И неизвестно, в кого он воплотился.

Интерпретацию при расхождении родовой принадлежности основных сакральных слов в разных культурах — *духа* (*rûah* — в семитских языках женского рода) и пары *дух* — *душа* — можно проиллюстрировать цитатой из Кулиану, который исследовал еврейско-христианскую мистику: «Святой Дух оказывается ещё более ускользающим, чем Логос, иногда отождествляясь в раннем еврейском христианстве с самим Христом, иногда с ангелом, а иногда даже с женской ипостасью» [9, с. 31]. Вениамин Блаженный реализует это в изящной формуле, преодолевая мужской род русского слова *дух* пантеистическим звучанием женского рода слова *вселенная*:

Человек, умирая, становится образом божьим,
Он становится духом вселенной.

Любое высказывание Блаженного тяготеет к универсальности. Мистик всегда маргинален по отношению к мейнстриму и не может в него вписаться, но именно поэтому он всегда универсален. Возникает парадокс: тексты мистиков именно благодаря универсальности кажутся гораздо более современными нынешнему читателю, чем немаргинальные тексты их современников. Блаженный как поэт-мистик революционен и традиционен одновременно.

Работа выполнена в рамках проекта Российского научного фонда №19-18-00429 «Языковые механизмы аккомодации культурных систем в различных видах дискурса XX и XXI вв.».

Список литературы

1. *Аверьянов В.* Житие Вениамина Блаженного // Вопросы литературы. 1994. №6. С. 40–73.
2. *Азарова Н.М.* Есенин глазами Целана или Целан глазами Есенина // Новый мир. 2020. №12. С. 138–151.
3. *Анкудинов К.* Стезей избытка // Новый мир. 2003. №1. С. 167–174.
4. «Моя судьба, безумье, бытие...»: матер. Вторых Междунар. науч.-литературных чтений, посвященных 100-летию В. Блаженного / под ред. У. Вериной. Минск, 2021.
5. *По ступеням света.* К 90-летию Вениамина Блаженного : сб. ст. / ред. У. Вериной. Минск, 2012.
6. *Кавалканти Филью Ж.П.* Фернандо Пессоа: почти автобиография. СПб., 2021.
7. *Корчагин К.* В поисках тотальности. Статьи о новейшей русской поэзии. Екатеринбург, 2020.
8. *Корчагин К.* Между Уолтом Уитменом и битниками: Вениамин Блаженный и Ксения Некрасова // Новый мир. 2021. №7. С. 181–199.
9. *Кулиану Й.* Древо гнозиса: гностическая мифология от раннего христианства до современного нигилизма. М., 2019.
10. *Макарова Е.* «Когда меня не будет»: Памяти поэта Айзенштадта // Дружба народов. 1999. №12. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/1999/12/kogda-menyu-ne-budet.html> (дата обращения: 11.11.2022).
11. *Померанц Г.С.* Страстная односторонность и бесстрастие духа. М. ; СПб., 2014.

12. Блаженный В. Бог да грешник / авторизованная запись и публикация Д. Тонконогова // Арион. 1999. №2. С. 49–56.
13. Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. М., 2017.
14. Языковые стратегии и механизмы аккомодации культурных систем : сб. ст. М., 2021.
15. Haas A.-M. *Mystische Erfahrung und Sprache* // Haas A.-M. *Sermo mysticus. Studien zu Theologie und Sprache der Deutschen Mystik*. Friburgo, 1989. P. 19–36.
16. Pearson H. Santa Teresa la conversa: are there Jewish influences in the writings of Teresa of Avila? // *Mystical Theology and Spirituality in the Carmelite Tradition* (Twickenham, London: St Mary's University), 18–20 June 2015, 1–17, pro manuscripto. URL: <https://www.stmarys.ac.uk/research/centres/inspire/teresa-of-avila-1515-2015.aspx> (дата обращения: 04.11.2022).
17. Peers E. A. *Studies of the Spanish Mystics*. L., 1927. Vol. 1.
18. Roth N. *Conversos, Inquisition, and the Expulsion of the Jews from Spain*. Madison, 1995.
19. Saadia Ben Joseph Al Fayyumi. *The Idea of Development of the Soul in Medieval Jewish Philosophy*. Philadelphia, 1950.
20. Zenith R. *An Experimental Life*. Allen Lane, 2021.

Об авторе

Наталья Михайловна Азарова — д-р филол. наук, проф., ведущий научный сотрудник, Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия.
E-mail: natarazova@gmail.com

N. M. Azarova

ADVENTURES OF THE SOUL: TRANSMISSION OF THE SYSTEM OF MYSTICAL POETRY IN THE LANGUAGE OF VENIAMIN BLAZHENNY

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received 02 December 2022

Accepted 27 January 2023

doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-5

To cite this article: Azarova N. M. 2023, Adventures of the soul: translation of the system of mystical poetry in the language of Veniamin Blazhenny, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №1 P. 50–60. doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-5.

The poetry of Veniamin Blazhenny (the Blessed) can be seen as a vivid example of the translation of the typological properties of the language of mysticism in late 20th century poetry. The artistic nature of the work of the Blessed during this time did not receive a fundamental analysis. The soul, a key concept of Blazhenny's poetry, reveals undoubted similarities with the conceptualization of the soul and the idea of metempsychosis in Jewish and Judeo-Christian mysticism. This study focuses on grammatical elements, and in particular the system of pronouns and negative poetics, the way the subject is constructed and the strategy of anti-dish

cursiveness. The key word and concept of Blazhenny's poetry is the Soul which reveals an undoubted similarity with the conceptualization of the soul and the idea of metempsychosis in Jewish and Jewish-Christian mysticism.

Keywords: Veniamin Blazhenny, modern poetry, language of mysticism, Jewish mysticism, soul, metempsychosis

The author

Prof Natalia M. Azarova, Professor, Leading Researcher, the Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: natazarova@iling-ran.ru

ORCID: 0000-0003-0168-3280